

Анаит Артемовна Манасян

Место решений Конституционного Суда в правовой системе Республики Армения

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

*источники права, Конституционный Суд Республики Армения,
постановления Конституционного Суда Республики Армения,
прецедент*

STUDIA I ANALIZY

Одной из важнейших характерных особенностей позитивного права является формальная определенность. Суть последней заключается в том, что правовые нормы должны быть объективированы, выражены, должны содержаться в той или иной форме, что является основной предпосылкой и средством существования указанных норм. Без этого нормы права станут абстрактными, не существующими в реальности и не будут в состоянии выполнять миссию регулирования общественных отношений.

В юридической литературе источники права в формальном (юридическом) смысле представляются как официальная форма внешнего выражения составляющих содержание права правил поведения, которая главным образом способствует реализации целей правового регулирования и полноценному осуществлению права¹. Иными словами, форма права является способом внутренней организации и внешнего выражения права².

Следует отметить, что хотя постановления конституционного суда также являются официальной формой внешнего выражения права, но в юридической литературе нет однозначной точки зрения относительно того, являются ли обсуждаемые решения источником права в формальном смысле,

¹ Վ. Օհանյան, *Գրավոր և անգրավոր հիմնախնդիրը ՀՀ-ում (տեսազործնական վերլուծություն)*, Ատենախոսություն, Երևան, 2009, с. 47.

² См. М.Н. Марченко, *Источники права*, Москва 2008, с. 40.

или в форме какого конкретного источника они проявляются. Следовательно, данные вопросы считаем необходимыми рассмотреть в рамках настоящей статьи³.

Что касается вопросов о том, являются ли постановления Конституционного Суда результатом правотворчества и источниками права, и создает ли обсуждаемый орган нормы права, принимая решения, отметим, что в юридической литературе правотворческая деятельность характеризуется как осуществляемая на основании закона деятельность компетентных органов и организаций, направленная на создание нормативно-правовых актов⁴. Следовательно, не только законотворчество подпадает под указанное понятие, но и любая деятельность, соответствующая представленным требованиям, является правотворчеством. Более того, хотя, согласно принципу разделения властей, принимать законы призван орган, осуществляющий законодательную власть⁵, однако тот же принцип не запрещает осуществление нормотворческих функций другими органами, в частности, правительством, наделяя последнего указанными полномочиями для осуществления своих функций⁶. Следовательно, хотя функцией законотворчества наделен орган, осуществляющий законодательную власть, но законотворчество и правотворчество не являются идентичными понятиями, и первое является лишь одним из видов правотворческой деятельности⁷.

Что касается деятельности Конституционного Суда РА, то последняя, по сути, является правотворчеством, будучи осуществляемой на основании

³ Следует отметить, что в рамках настоящей статьи понятие „решения Конституционного Суда” употребляется с точки зрения постановлений по существу дела, принимаемых в результате осуществления предусмотренного в пункте 1 статьи 100 Конституции РА полномочия.

⁴ В. Лазарев (ред.), *Общая теория государства и права*, Москва 2007, с. 200.

⁵ В этом смысле следует отметить выраженную в юридической литературе точку зрения, согласно которой принцип разделения властей абсолютизируется, когда, в частности, поле деятельности законодательной власти ограничивается лишь “чисто” правотворческими функциями, а судебной, соответственно – сугубо судебной деятельностью. В реальной жизни, как показывает опыт других стран, давно и плодотворно использующих принцип разделения властей, такого строгого, жесткого, изначально заданного разделения сферы деятельности и функций различных ветвей власти нет. Она есть лишь в теории, но не в реальной жизни. (см. М.Н. Марченко, ук. соч., с. 387, по этому поводу см. также Г. Даниелян, *Современные проблемы комментария принципа разделения властей*, [в:] *Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии*, 4(38) 2007, с. 50–61).

⁶ См. Г. Арутюнян, М. Баглай, *Конституционное право: Энциклопедический словарь*, Москва 2006, с. 184–185.

⁷ Видами правотворческой деятельности являются также подзаконное правотворчество, правотворческая деятельность органов местного самоуправления, судебных органов и т.п. (см., например, В.М. Лазарев, ук. соч., с. 200–201, А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев, *Проблемы теории государства и права*, Москва 2005, с. 458–461).

закона деятельностью компетентного органа, направленной на создание правовых актов. А это, в свою очередь, приводит к заключению, что постановления Конституционного Суда РА являются результатом правотворческой деятельности.

Обращаясь к вопросу о том, создает ли Конституционный Суд РА правовые нормы, принимая решения, отметим, что согласно части 3 статьи 11 Закона РА «О правовых актах» Конституционным Судом Республики Армения принимаются только **нормативные**, индивидуальные или процессуальные решения, а в соответствии с частью 3 статьи 2 нормативный правовой акт – это... официальный письменный документ, направленный на установление, изменение или прекращение действия правовой нормы или правовых норм. Правовой акт считается нормативным, если в нем содержится хотя бы одна правовая норма. В то же время часть 5 статьи 61 Закона РА «О Конституционном Суде» предусматривает, что принятые Конституционным Судом постановления по существу дела обязательны для всех государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц, а также физических и юридических лиц на всей территории Республики Армения. Вышесказанное свидетельствует о том, что Конституционный Суд РА, в числе других актов, принимает также нормативные решения, таким образом, создавая правовые нормы, следовательно, постановления Конституционного Суда по существу дела имеют нормативный характер. Более того, очевидно, что принимаемые в результате деятельности Конституционного Суда указанные решения являются официальной формой выражения права.

Принимая вышесказанное во внимание, мы приходим к заключению, что постановления Конституционного Суда РА являются официальной формой внешнего выражения составляющих содержание права правил поведения, которая главным образом способствует реализации целей правового регулирования и полноценному осуществлению права. Иными словами, они являются способом внутренней организации и внешнего выражения права, следовательно, источниками права в Республике Армения⁸.

⁸ Следует отметить, что на современном этапе развития конституционного права данная позиция имеет широкое распространение, см. Г. Арутюнян, *Особенности функционирования Конституционных Судов в условиях общественной трансформации. Доклад на международной научной конференции в Душанбе 4 ноября 2010 г.*, <http://conpcourt.am/russian/speeches/index.htm>, 4.11.2013; Н. Бондарь, *Конституционное правосудие – универсальный институт разрешения социальных противоречий современного общества*, [в:] *Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии*, 1(35) 2007, с. 13–14; Б. Страшун, *Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права*, [в:] *Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии*, 4(14) 2001–1(15) 2002, с. 154). Более того, Конституционный Суд Литвы выразил правовую позицию, согласно которой

В указанном контексте следует рассмотреть также выраженную в юридической литературе точку зрения, согласно которой Конституционный Суд является негативным законодателем⁹. Эта позиция обосновывается тем, что на основании решения последнего принятые законодателем правовые акты теряют юридическую силу. С точки зрения деятельности конституционных судов и характера принимаемых в результате этого актов данную позицию не разделяем, так как признание правового акта противоречащим Конституции и недействительным не является единственным видом принимаемых Конституционным Судом постановлений, и широкое распространение получила практика, когда акты признаются соответствующими Конституции (в том числе, в рамках правовых позиций Конституционного Суда) и продолжают осуществлять функцию регулирования общественных отношений.

Следовательно, если будем руководствоваться вышеизложенной логикой, то же самое можем констатировать и о решениях осуществляющего законодательную власть органа, так как последний не только принимает правовые акты, будучи «позитивным законодателем», но часто также изменяет или признает их недействительными, будучи так называемым «негативным законодателем».

Более того, современные тенденции развития теории и практики конституционного правосудия свидетельствуют о том, что часто Конституционный Суд признает правовой акт соответствующим Конституции, раскрывая конституционно-правовое содержание последнего (в рамках которого только правовой акт может соответствовать Конституции, следовательно, не может толковаться или применяться иным образом, так как это будет противоречить выраженным в решении правовым позициям)¹⁰, или признавая акт

акты Конституционного Суда являются источниками права (см. Ruling No. 21/2003 of The Constitutional Court of the Republic of Lithuania of 30 May 2003, <http://www.lrkt.lt/dokumentai/2003/r030530.htm>).

⁹ См., например, N. Chronowski, T. Drinóczy, T. Takács (eds), *Governmental Systems of Central and Eastern European States*. Warsaw 2011, с. 801, I. Macejkova, *Influence of the Constitutional Court of the Slovak Republic on the monism of the Slovak Legal System*, [в:] *Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии*, 1(43) 2009, с. 77.

¹⁰ В связи с этим следует отметить, например, Постановление Конституционного Суда РА ПКС-984 от 15 июля 2011 года, в котором часть 1 статьи 426.9 Уголовно-процессуального кодекса РА и статья 204.38 Гражданского процессуального кодекса РА были признаны соответствующими Конституции, **но в том конституционно-правовом содержании, которое исключает возможность оставления в законной силе судебного акта, применившего признанную противоречащей Конституции РА и недействительной норму**. В то же время в заключительной части решения Конституционный Суд констатировал, что в правоприменительной практике часть 1 статьи 426.9 Уголовно-процессуального кодекса РА и статья 204.38 Гражданского процессуального кодекса РА не могут толковаться и применяться иным образом, кото-

соответствующим Конституции, одновременно выражает правовую позицию относительно целесообразности отдельных правовых регулирований с точки зрения конституционности¹¹. Именно в подобных случаях подчеркивается суть деятельности органа, осуществляющего конституционное правосудие, так как на современном этапе развития науки конституционного права, обсуждаемые решения больше не воспринимаются только как документ, устанавливающий конституционность или неконституционность правовых актов, а основной акцент ставится на то, что последние являются важнейшим средством формирования единой конституционной доктрины и развития Конституции¹². Следовательно, принимая вышесказанное во внимание, указанную однозначную точку зрения относительно того, что Конституционный Суд является негативным законодателем, считаем неприемлемой¹³.

рый будет противоречить их конституционно-правовому содержанию, выраженному в указанном Постановлении (см. <http://concourt.am/russian/decisions/common/pdf/984.pdf>, 4.11.2013).

¹¹ В связи с этим можно отметить, например, Постановление Конституционного Суда РА ПКС-984 от 15 июля 2011 года, в котором Конституционный Суд констатировал: „Учитывая указанное обстоятельство, Конституционный Суд в рамках рассмотрения настоящего дела считает необходимым подчеркнуть необходимость основательной переоценки всей методологии пересмотра судебных актов по новым обстоятельствам, находя, что методология правового регулирования этого института должна базироваться на обязанности государства защищать установленные статьей 3 Конституции РА основные права и свободы человека и гражданина в соответствии с принципами и нормами международного права. ... Конституционный Суд находит, что существование эффективного института пересмотра судебных актов также должно основываться на той логике, что государство должно обеспечить восстановление нарушенных прав, так как обязательство по защите прав и свобод граждан предполагает, что государство само ответственно за восстановление прав, нарушенных судебными актами. ... Конституционный Суд находит, что с точки зрения дальнейшего укрепления гарантий защиты прав человека развитие законодательства в Республике должно проходить с учетом указанной методологии” (см. <http://concourt.am/russian/decisions/common/pdf/984.pdf>, 4.11.2013).

¹² Относительно данного вопроса см. А. Манасян, *Развитие Конституции Республики Армения как важнейшая предпосылка укрепления армянского конституционализма*, „Сравнительное конституционное обозрение” 2012, № 3, с. 141–146.

¹³ Современная правовая мысль также развивается в направлении обоснования той точки зрения, что при осуществлении своей деятельности Конституционный Суд является не только „негативным», но также и „позитивным законодателем», указывая не только то, каким образом не должен действовать законодатель, но и то, как он должен действовать в той или иной ситуации, иными словами, устанавливая позитивные регулирования (см., например, М.Н. Марченко, *Источники права*, Москва 2008, с. 401, Lo'ra'nt Csink, Bala'zs Schanda, Andra's ZS. Varga (eds.), *The Basic Law of Hungary (A First Commentary)*. Clarus Press, Dublin 2012, с. 160, 163, А. Головин, *Правовая природа и юридическая сила актов Конституционного суда Украины*, [в:] *Альманах (Конституционное правосудие в новом тысячелетии)*, Ереван 2011, с. 60).

Следующий вопрос, который необходимо рассмотреть в указанном контексте, заключается в нижесказанном: в форме какого конкретного источника права выражаются постановления Конституционного Суда? Это в первую очередь обусловлено статусом и местом указанного органа в правовой системе Республики Армения. В связи с этим следует отметить, что положения касательно Конституционного Суда РА предусмотрены в относящейся к судебной власти главе 6 Конституции РА, статья 91 которой устанавливает, что правосудие в Республике Армения осуществляют только суды – в соответствии с Конституцией и законами, а статья 93 предусматривает, что конституционное правосудие в Республике Армения осуществляется Конституционным Судом. Следовательно, последний находится в системе органов судебной власти, в результате чего некоторые правоведы приходят к заключению, что постановления Конституционного Суда, будучи видом судебных актов, в качестве источника права выражаются в форме прецедента. Однако, по нашему мнению, данная позиция не может быть однозначной, так как для того, чтобы рассматриваться в качестве прецедента, указанные акты должны соответствовать предъявляемым к обсуждаемому источнику права требованиям и характерным ему особенностям.

Следует отметить, что хотя обсуждая вопросы относительно прецедента, в юридической литературе, как правило, упоминается Англо-американская доктрина указанного источника права, но в некоторых странах Романо-германской правовой семьи судебная практика также является источником права, и действует доктрина *jurisprudence constante*. Следовательно, в рамках настоящей статьи мы проанализируем особенности постановлений Конституционного Суда РА в контексте как Англо-американской доктрины *stare decisis*, так и действующей в Романо-германских правовых системах доктрины *jurisprudence constante*.

Обращаясь к Англо-американской доктрине прецедента, отметим, что согласно последней обязательным является только выраженный в мотивировочной части судебного акта принцип, обосновывающий судебное решение (выраженный в *ratio decidendi* или в *holding*)¹⁴. Однако указанное обстоятельство не характерно для постановлений Конституционного Суда РА, так как обязательными являются правовые позиции, представленные как в мотивировочной, так и в заключительной части решения. Более того, данные позиции могут касаться как окончательного заключения относительно конституционности акта, так и обоснований, лежащих в его основе. В этом смысле Конституционный Суд РА неоднократно констатировал, что для гарантирования надлежащего исполнения решений Суда (имеется в виду

¹⁴ См. М.Н. Марченко, ук. соч., с. 628.

Конституционного Суда) необходимо законодательно обеспечить, чтобы государственные органы и должностные лица гарантировали исполнение последних в их целостности, придавая особое внимание правовым позициям Суда, выраженным не только в резолютивной, но также и в мотивировочной части решения, которые по своей сути являются источниками конституционного права и официальным толкованием конституционных положений¹⁵.

Следующая характерная особенность Англо-американской доктрины прецедента является наличие обязательных и убеждающих прецедентов¹⁶. По сравнению с вышесказанным, все постановления Конституционного Суда РА по существу дела являются обязательными. В этом смысле часть 5 статьи 61 Закона РА «О Конституционном Суде» предусматривает, что принятые Конституционным Судом постановления по существу дела обязательны для всех государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц, а также физических и юридических лиц на всей территории Республики Армения, а статья 66 устанавливает, что неисполнение, ненадлежащее исполнение либо воспрепятствование исполнению постановления Конституционного Суда влечет установленную законом ответственность.

Добавим также, что согласно указанной доктрине прецедента в процессе правоприменения все судебные решения должны толковаться с учетом обстоятельств, в связи с которыми они были приняты¹⁷. Указанная особенность также не характерна для постановлений Конституционного Суда РА, так как обязательность и исполнение последних не обусловлены сходством фактических обстоятельств, и в соответствии с частью 5 статьи 61 Закона РА «О Конституционном Суде» обсуждаемые решения обязательны в любом случае.

Что касается Романо-германской доктрины прецедента (*jurisprudence constante*), отметим, что основной особенностью последней является то, что когда какое-либо толкование, данное судами, поддерживается в течение долгого времени, в результате основанного на нем подхода формируется единая судебная практика относительно определенного вопроса, и она фактически становится источником права. Следовательно, таковым рассматривается не принятое ранее одно решение, как в рамках Англо-американской доктрины, а стабильная судебная практика, иными словами, совокупность решений¹⁸. Однако в случае постановлений Конституционного Суда РА не требуется

¹⁵ См. Годовые сообщения Конституционного Суда РА относительно состояния исполнения решений, принятых в 2006–2011 гг., <http://concourt.am/armenian/report/index.htm>, 4.11.2013.

¹⁶ М.Н. Марченко, ук. соч., с. 625.

¹⁷ См. М.Н. Марченко, ук. соч., с. 628.

¹⁸ См. Ч. Ошунджи, ук. соч., с. 67, 134.

такой совокупности актов, и для того, чтобы стать источником права, достаточно лишь одного постановления Суда.

В указанном контексте вниманию подлежит также широко обсуждаемая в юридической литературе и та позиция, что большинство современных континентальных правовых систем больше не «удовлетворяется» доктриной *jurisprudence constante*, и в указанных правовых системах фактически сформировалась новая, гибридная модель судебного прецедента, содержащая характерные особенности как *stare decisis*, так и *jurisprudence constante*. Эту модель можно назвать прецедентом толкования¹⁹. Указанные авторы приходят к заключению, что с точки зрения правотворческой роли судов, страны континентального и общего права сближаются, стремясь к пересечению там, где существует основанная на законе стабильная судебная практика – прецедент толкования, и в этом контексте решения Конституционного Суда рассматриваются как проявление указанного вида прецедента²⁰. Однако мы считаем, что постановления Конституционного Суда РФ в абсолютном смысле не соответствуют особенностям также и этой модели прецедента, так как сутью последней является представление казуального толкования (образцовых примеров толкования законов), служащего примером для нижестоящих судов. При этом, следует учитывать, что дальнейшее применение такого толкования при подобных казусах не столько преследует норматворческую цель, сколько направлено на реализацию принципа равенства людей перед законом. Однако постановления Конституционного Суда РФ, хотя и являются важнейшим средством обеспечения стабильности и развития Конституции и имеют исключительное значение для официального толкования Конституции, а также раскрытия конституционно-правового содержания законов, вместе с этим они воспринимаются в единстве осуществляемых ими функций. С этой точки зрения подчеркивается роль обсуждаемых постановлений как для обеспечения стабильности и развития Конституции, так и для установления соответствия или противоречия правовых актов Конституции, что создает обязанность для соответствующих субъектов следовать всем указанным правовым позициям. Следовательно, всеобщая обязательность этих решений касается не только вышеуказанных толкований, но также и иных заключений

¹⁹ См. И. Богдановская, *Судебный прецедент и его эволюция*, „Законность” 2007, № 3, с. 46; Ошўўўўў Ч., ук. соч., с. 66.

²⁰ См., например, Н. Ершкін, *Понятие и юридическая природа правовых актов Конституционного Суда Российской Федерации*, www.law-n-life.ru/arch/159/159-7.doc, 4.11.2013; Е.А. Ершова, *Правовая природа постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации*, <http://www.top-personal.ru/lawissue.html?1679>, 4.11.2013.

Конституционного Суда РА относительно конституционности или неконституционности правовых актов.

Вышесказанное свидетельствует о том, что постановления Конституционного Суда РА, с точки зрения их особенностей, существенно отличаются от видов прецедента, существующих в рамках всех представленных доктрин. И хотя модель прецедента не может быть одинаковой во всех государствах, что обусловлено особенностями их законодательных регулирований по этому поводу, и в свете происходящих в странах общего и континентального права развитий иногда встречаются такие проявления указанного источника права, которые не могут быть охарактеризованы той или иной представленной выше характерной особенностью, но есть отдельные характеристики, которым должен соответствовать конкретный источник права, чтобы рассматриваться в качестве прецедента. Важнейшей из них является вторичный характер прецедента по сравнению с законами²¹. Однако указанное не характерно для постановлений Конституционного Суда РА, и анализ законодательных регулирований Республики Армения относительно обсуждаемого вопроса свидетельствует, что юридическая сила решений Конституционного Суда, с точки зрения иерархии правовых актов, выше даже юридической силы законов²². Важно и то, что если в основе доктрины прецедента, по сути, лежит обстоятельство обязательности судебного акта для других судебных органов, то в случае постановлений Конституционного Суда РА их обязательность относится не только к судам, но также и ко всем субъектам, указанным в части 5 статьи 61 закона²³. Следовательно, принимая вышесказанное во внимание, считаем, что постановления Конституционного Суда РА, с точки зрения их особенностей существенно отличаясь от видов прецедента, существующих в рамках всех представленных доктрин, не выражаются в форме указанного источника права.

Вместе с этим очевидно, что имея нормативный характер и в этом смысле будучи нормативным правовым актом, постановления Конституционного

²¹ См. М.Н. Марченко, *Судебное правотворчество и судебское право*, Москва 2008, с. 339, 346.

²² В этом смысле следует отметить часть 5 статьи 61 Закона РА „О Конституционном Суде», согласно которой принятые Конституционным Судом постановления по существу дела обязательны для всех государственных органов и органов местного самоуправления, их должностных лиц, а также физических и юридических лиц на всей территории Республики Армения, а также главу 2 Закона РА „О правовых актах», касающуюся видов и иерархии правовых актов, которая сформулирована на основании той общей логики, что включенные в рамках последней правовые акты, в том числе законы, не должны противоречить постановлениям Конституционного Суда РА.

²³ См., например, Р.В. Шагиева (ред.), *Актуальные проблемы теории государства и права*, Москва 2011, с. 282; Н. Витрук, *Конституционное правосудие*, Москва 2005, с. 128.

Суда РА по существу дела не подпадают также под восприятие нормативных актов, сформированное в рамках традиционной классификации источников права, принимая во внимание то, что судебные акты традиционно не рассматривались в контексте указанного источника²⁴.

Обобщая вышесказанное, отметим, что как особый статус Конституционного Суда, особенности полномочий и разрешаемых данным органом вопросов, так и решения последнего и их особенности, приводят к заключению, что находясь в системе органов судебной власти, Конституционный Суд является особым органом, деятельность которого, а также принимаемые в результате этого решения, по своей сути, в значительной степени отличаются от деятельности других государственных органов, в том числе судов, а также от принимаемых ими актов. Следовательно, в случае обсуждаемых актов, мы имеем дело с новым правовым явлением, которое, являясь источником права, в абсолютном смысле не соответствует ни одному из видов источников, существующих в рамках классического подхода²⁵. В то же время следует учитывать, что право является динамическим явлением, и формы его внешнего выражения, объективации не могут быть статичными. В связи с этим некоторые ученые справедливо отмечают, что в теоретической учебной литературе вопрос источников правового регулирования представляется по очень простой схеме – перечисляя традиционные виды источников права и их иерархию – что недостаточно для формирования полного представления относительно правового регулирования. Простое перечисление источников выражает статичное состояние правового регулирования, а не его динамику и действие²⁶. Следовательно, считаем, что классификация источников права должна иметь не сугубо теоретический и абстрактный характер, а должна служить подчеркиванию практической роли и значения последних. Это касается также постановлений Конституционного Суда РА, уточнение места которых в системе источников права не является самоцелью и необходимо для формирования полноценной системы их исполнения, принимая во внимание характерные особенности последних²⁷.

²⁴ См., например Р.В. Шагиева, ук. соч., с. 267–280; С. Дробышевский, Т. Данцева, *Формальные источники права*, Москва 2011, с. 81.

²⁵ Как правило, в рамках традиционного подхода выделяют следующие виды источников права: нормативный акт, судебный прецедент, санкционированный обычай, договор, правовая доктрина, общие принципы права (см. В. Корельский, В. Перевалов (ред.), *Теория государства и права*, Москва 1998, с. 287; В. Лазарева, ук. соч., с. 173).

²⁶ См. Վաղարշյան Ա. Իրավունքի աղբյուրների ու իրավական կարգավորման միջոցների հարաբերակցությունը և հասարակական հարաբերությունների կարգավորման ստորակարգությունը // Պետություն և իրավունք, № 2–3 (32–33), 2006, с. 5.

²⁷ В рамках указанной статьи не преследуем цель анализировать все существующие в теории проблемы классификации источников права, и рассматриваем их лишь

В данном случае необходимо отметить, что происходящие в современном мире правовые развития привели к созданию таких правовых актов в рамках механизма правового регулирования, которые в абсолютном смысле не соответствуют ни одному из видов источников права, существующих в контексте классического подхода. Такими правовыми актами являются также и постановления Конституционного Суда РА, которые, следовательно, с точки зрения вышеуказанного подхода являются особыми источниками права. Вместе с этим очевидно, что обсуждаемые развития повлекли необходимость формирования общего критерия для дифференциации правовых актов и классификации последних на этом основании. С этой точки зрения целесообразным считаем рассмотрение нормативности в качестве общего критерия разделения правовых актов, классифицируя последние в две основные группы – нормативные акты и акты, не имеющие нормативный характер²⁸. При этом, постановления Конституционного Суда РА следует рассматривать в системе первой группы источников права.

Обобщая вышесказанное, отметим, что постановления Конституционного Суда РА, в абсолютном смысле не соответствуя ни одному из видов источников права, существующих в рамках классического подхода, имея отдельные характерные этим источникам особенности, но в то же время выделяясь большим количеством различий, в рамках классического подхода сформировали особый вид источников права, который, согласно предложенной нами классификации, находится в системе нормативных правовых актов.

РЕЗЮМЕ

В статье рассматривается место решений Конституционного Суда в правовой системе Республики Армения. Автор обосновывает, что указанные решения являются способом внутренней организации и внешнего выражения права, следовательно, являются источником права в Республике Армения. Более того, с точки зрения своих особенностей, решения Конституционного Суда РА существенно отличаются от моделей прецедента, существующих как в рамках Англо-американской, так и Романо-германской доктрин и являются особым источником права, имеющим нормативный характер.

в контексте вопроса уточнения места решений Конституционного Суда РА в системе источников права.

²⁸ Некоторые авторы также представляют подобную классификацию источников права (см., например, В. Корельский, В. Перевалов (ред.), *ук. соч.*, с. 288).

Anait Artemovna Manasyan

**THE PLACE OF THE CONSTITUTIONAL COURT DECISIONS
IN THE LEGAL SYSTEM OF THE REPUBLIC OF ARMENIA**

The article considers the role of the Constitutional Court decisions in the RA legal system. The author substantiates that the mentioned decisions are means of internal organization and external expression of law, hence, they are a source of the RA law. Moreover, from the point of view of their peculiarities the RA Constitutional Court decisions essentially differ from the models of precedents existing both in the frames of the Anglo-American and the Romano-German doctrines and are a peculiar source of law with normative character.

KEY WORDS: *sources of law, Constitutional Court of the Republic of Armenia, decisions of the Constitutional Court of the Republic of Armenia, precedent*

Библиография

- Г. Арутюнян, М. Баглай, *Конституционное право: Энциклопедический словарь*, Москва 2006.
- Г. Арутюнян, *Особенности функционирования Конституционных Судов в условиях общественной трансформации. Доклад на международной научной конференции в Душанбе 4 ноября 2010г.*, <http://concourt.am/russian/speeches/index.htm>
- И. Богдановская, *Судебный прецедент и его эволюция*, „Законность” 2007, № 3.
- Н. Бондарь *Конституционное правосудие – универсальный институт разрешения социальных противоречий современного общества*, [в:] *Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии*, 1(35) 2007.
- Н. Витрук, *Конституционное правосудие*, Москва 2005.
- Годовые сообщения Конституционного Суда РА относительно исполнения решений, принятых в 2006–2011гг., <http://concourt.am/armenian/report/index.htm>
- Ruling No. 21/2003 of The Constitutional Court of the Republic of Lithuania of 30 May 2003, <http://www.lrkt.lt/dokumentai/2003/r030530.htm>
- А. Головин, *Правовая природа и юридическая сила актов Конституционного суда Украины*, [в:] *Альманах (Конституционное правосудие в новом тысячелетии)*, Ереван 2011.
- А.Н. Головистикова, Ю.А. Дмитриев, *Проблемы теории государства и права*, Москва 2005.

- Г. Даниелян, *Современные проблемы комментария принципа разделения властей*, [в:] *Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии*, 4(38) 2007.
- С. Дробышевский, Т. Данцева, *Формальные источники права*, Москва 2011.
- Н. Ерошкин, *Понятие и юридическая природа правовых актов Конституционного Суда Российской Федерации*, www.law-n-life.ru/arch/159/159-7.doc
- Е.А. Ершова, *Правовая природа постановлений и определений Конституционного Суда Российской Федерации*, <http://www.top-personal.ru/lawissue.html?1679>
- В. Корельский, В. Перевалов (ред.), *Теория государства и права*, Москва 1998.
- В. Лазарев (ред.), *Общая теория государства и права*, Москва 2007.
- А. Манасян, *Развитие Конституции Республики Армения как важнейшая предпосылка укрепления армянского конституционализма*, „Сравнительное конституционное обозрение” 2012, № 3 (88).
- М.Н. Марченко, *Источники права*, Москва 2008.
- М.Н. Марченко, *Судебное правотворчество и судебское право*, Москва 2008.
- Постановление Конституционного Суда РА ПКС-984 от 15 июля 2011 года, <http://concourt.am/russian/decisions/common/pdf/984.pdf>
- Б. Страшун, *Решения Конституционного Суда Российской Федерации как источник права*, [в:] *Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии*, 4(14) 2001–1(15) 2002.
- Р.В. Шагиева (ред.), *Актуальные проблемы теории государства и права*, Москва 2011.
- N. Chronowski, T. Drinóczi, T. Takács (eds.), *Governmental Systems of Central and Eastern European States*, Warsaw 2011.
- Lo‘ra‘nt Csink, Bala‘zs Schanda, Andra‘ s ZS. Varga (eds.), *The Basic Law of Hungary (A First Commentary)*, Clarus Press, Dublin 2012.
- I. Macejkova‘, *Influence of the Constitutional Court of the Slovak Republic on the monism of the Slovak Legal System*, [в:] *Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии*, 1(43) 2009.
- Վ. Օհանյան, *Իրավունքի աղբյուրների հիմնախնդիրը ՀՀ-ում (տեսագործնական վերլուծություն)*, Ատենախոսություն, Երևան, 2009
- Վաղարշյան Ա. *Իրավունքի աղբյուրների ու իրավական կարգավորման միջոցների հարաբերակցությունը և հասարակական հարաբերությունների կարգավորման ստորակարգությունը // Պետություն և իրավունք*, N 2–3 (32–33), 2006